

Александр БАЛТИН

ПО КРОМКЕ БЫТИЯ ДВИЖЕНИЕ К СВЕТУ

О книге Дмитрия Александровича Мизгулина
По кромке бытия. Седьмая книга стихотворений.
СПб.: Любавич, 2021.

«По кромке бытия» двигаться чреват, но необходимо – для большей чёткости ощущений, для более точной фиксации их, для открытий и откровений; для чего-то наиважнейшего, что и определяет тайну поэтического делания:

*Что жизнь моя – железная дорога,
Извечное движение вперёд.
И путь наш от порога до порога
Локомотив уверенно ведёт.*

*Горят в ночи рубиновые росы,
Мерцают тени голубых берёз,
Гремят в раскат чугунные колёса,
Судьба летит со свистом под откос.*

Поэзия Д. Мизгулина вспыхивает особой цветовой гаммой: индивидуальной и словно связанной с постижением запредельных тайн, – ибо даже летящая под откос судьба определяется именно «рубиновыми росами», необычностью видения, крупными структурами бытия, тонко прочувствованными и живописанными поэтом.

Но бархатная нежность речи не в меньшей степени присуща Мизгулину, чем сила словесного поиска:

*Я развею все твои сомненья,
Самый дорогой мой человек.
Напишу тебе стихотворенье,
Как под утро выпал первый снег,*

*Как, кружась во тьме неторопливо,
Перекрасил город в белый цвет.
Как печали осени дождливой
Позабылись и сошли на нет...*

Речь о главном чувстве и должна быть такой – гармоничной и напевной, нежной, как летний воздух, и плавной...

И первый снег здесь... почти детский, отливающий счастьем, пусть и оттенено оно вечно горечью, страхом потери, а стихотворение – живёт тайною, медленно кружащейся музыкой, живёт, расходясь драгоценными кругами бытия.

...Параллели, проводимые между природным началом и ощущениями людей, впечатляют: строятся развёрнутые метафоры, определяющие ритмы и движение стихотворения.

*Снежные сумерки тают.
Звёздная даль высока.
Сердце моё остывает,
Как остывает река.*

*Стынет волна под шугою
Льдом безвозвратных потерь.
Близкое и дорогое
Стало ненужным теперь.*

*Заледенеют печали,
Заиндевет река,
На опустевшем причале
Будет утрата легка.*

Есть особая лёгкость в снежности сумерек. И то, что утрата будет легка, ещё раз свидетельствует об этом, как и о замечательной соли стоицизма, просыпанной в строки, как и о мудрости, наработанной поэтом годами опыта...

Социальность возникает лирическим порывом: сильно и страстно, грустно и трепетно:

*Жизнь прошла – наобум, на авось.
Всё смела иноземная сила.
Просквозило Россию насквозь.
До последней души просквозило.*

*Каждый сам по себе не дурак.
Только кто за Россию в ответе?
И гуляет по душам сквозняк –
Подворотни неистовый ветер.*

Боль логична – и преодоление её эстетикою стиха вполне естественно, хотя поэзия не отменяет источника боли и жизнь не улучшает, увы, увы...

Книга Мизгулина «По кромке бытия» есть движение к свету: он ощущается в каждом стихотворении, а если строки и отливают печалью, то и она светла.

*Снежная звенит тишина,
Мир ошеломительно прост,
И плывёт во мраке луна
В озаренье сумрачных звёзд...*

*И пока не вспыхнул рассвет...
Лунная туманится даль,
И позёмкой сумрачной вслед
Светлая струится печаль.*

Интересно играет звукопись: перекликаются, вибрируя сильно, «с» и «з», раскатисто расходится «р», и рассвет будет непременно превосходить предшествующие!

Снега много в книге Мизгулина. Снег становится символом белизны, великолепного природного кружева, в какой-то мере – символом альтернативного света, хоть и связанного с холодом (его современному человеку, без конца продуваемому онтологическим ветром, и так хватает), а хотелось бы тепла: и стихотворение являет его, наполняя необходимым колбы читательского сознания.

*Встанешь утром – в городе зима.
Всюду как нечаянная милость
Снега кружевного кутерьма
Облаком на землю опустилась.*

*Будто бы и не было тоски,
Будто бы и не было печали...
А вчера сжимала боль виски,
А сегодня всё опять вначале.*

Человек рождается за жизнь много раз, и звучащая философической максимой строчка «А сегодня всё опять вначале» подтверждает оное.

Дмитрий Мизгулин выступает исследователем собственной души и – через неё – жизни, но так, что лучи строк-результатов расходятся к мере всеобщности, разлитой в недрах человечества:

*Везде и всюду проявлял участие,
Кружился в суматохе важных дел,
Теперь не надо ни любви, ни счастья,
Всего того, что раньше так хотел.*

*И всё, к чему мечтательно стремился,
В мгновенье ока обратилось в прах.
Смотрю, как мягко лунный свет разлился,
Как звёзды растворяются в волнах.*

Муаровая мягкость лунного света и растворяющиеся в волшебных волнах звёзды становятся важнее кружевного кружения, сколько бы смысла ни имело оно в пределах земного бытования.

Мудрость прорастает травами сквозь строки поэта, организуя своеобразное духовное небо над сводом книги.

Сердце при этом должно пылать самой своей сердцевиной – тем центром, где и рождаются стихи (ибо там, вероятнее всего, помещается душа, а поэзия – квинтэссенция оной):

*Что там скажут люди –
Никому не верь,
Сердце не остудит
Снегопад потерь.*

*Лишнее отстанет,
Сгинет не спеша,
Сердце не обманет,
Не предаст душа.*

Снова снег мелькнёт – в форме снегопада, но то, как оригинально он свяжется с обыденностью потерь, говорит о смысловой изобретательности поэта. И главное, конечно, что никакие суммы утраченного не вправе или не в силах остудить сердце.

Интересны и линии соединения сердца и души.

Поэт тонко, по-своему чувствует природные явления – и полноправными персонажами книги предстают и дождь, и снег, и непогода, хуже которой нету, и осенние мерцания...

Легко даётся тяжёлое содержанием стихотворение о сущности поэтического дела:

*Писать стихи – обуза,
И счастье, и беда.
Старею я, а муза
Всё так же молода.*

*Изящно быстrokрыла,
Бездудержно легка.
Что у меня забыла –
Я не пойму пока.*

Жёсткость отношения к самому себе подкупает всё той же наработанной сквозь ленты лет мудростью.

Сферы одиночества становятся сокровенными, своего рода онтологическим пристанищем счастья.

Ирония оттеняет поэтические мистерии Дмитрия Мизгулина:

*Газпром везде и всюду,
И тут и там Газпром,
Несёт простому люду
Он счастье в каждый дом.*

*И знает вся планета
Про Сочи и «Зенит»,*

*А то, что газа нету и
В деревне –
извини...*

Горькая ирония?

Конечно, какая ещё применима к нашениским временам...

...Жизни разгон кажется вечным, однако сие – одна из иллюзий, и точно входит в мозг, поражая своеобразным советом, поэтическая формула:

*Ты живёшь, как будто в сутках
Двадцать пять часов.
Закрывай хоть на минутку
Душу на засов.*

Итак, пройдя «По кромке бытия», поэт, рая душу болью за Отечество, стремясь иссечь стигматы сострадания в каждой читательской душе, дозированно-ювелирно мешая иронию и метафизику, предложил иссутившемуся миру и тотально-муравьиному граду значительный результат своего пути: требующий тонкости восприятия и чуткости сердца, причём в этой кромке гораздо больше от сущности бытия.

В том числе бытия поэзии.

*Александр Львович БАЛТИН,
публицист, критик. Москва*

